

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

М. Г. Ваняшова

Встреча Максима Максимыча с Печориным в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: психологические и философские аспекты

В статье на материале анализа последней встречи Максим Максимыча и Печорина рассматриваются важнейшие принципы поэтики Лермонтова в романе, ведется полемика с новейшими, крайне поверхностными подходами к мотивации поступков главных героев романа.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, роман «Герой нашего времени», Печорин, Максим Максимыч.

M. G. Vanyashova

Maxim Maksimych's Meeting with Petchorin in M. Ju. Lermontov's Novel "The Hero of Our Time": Psychological and Philosophical Aspects

In the article on the material of the analysis of last meeting of Maxim Maksimych and Petchorin the major principles of Lermontov's poetics in the novel are considered, is conducted polemic with the newest, extremely superficial approaches to motivation of the protagonists' actions of the novel.

Keywords: M. Ju. Lermontov, the novel «The Hero of Our Time», Petchorin, Maxim Maksimych.

Вместо вступления

60-е гг. XX в. – время не только известной всем «оттепели», но и расцвета лермонтовской школы в нашей стране. Впрочем, это тоже было в известной степени признаком «оттепели», когда возможными стали различные концепции, интерпретации, истолкования. У всех на устах были имена выдающихся лермонтоведов – Ираклия Андроникова с его устными выступлениями и триумфом книг о Лермонтове («Я хочу рассказать Вам...», «Лермонтов. Исследования и находки», «Рассказы литературоведа», «Лермонтов в Грузии в 1837 году»), Виктора Андрониковича Мануйлова и его книг о Лермонтове и «Герое нашего времени», легендарного Мануйлова, ставшего руководителем уникального издания – «Лермонтовской энциклопедии», возглавившего работу Сектора по изучению творчества М. Ю. Лермонтова (как и работу постоянного лермонтовского семинара) в ИРЛИ. Это Ленинград, Институт русской литературы АН СССР. В Москве таким лермонтовским центром стал Московский государственный университет и Владимир Николаевич Турбин с его семинарами и лермонтовскими экскурсиями для студентов и аспирантов по Москве.

Событием стало в то время и появление диаметрально противоположных работ на страницах одного и того же сборника, посвященного роману Лермонтова. Ожесточенные дискуссии вызвали две статьи – «Герой нашего времени» как реалистический роман В. Мануйлова и «Роман Лермонтова “Герой нашего времени” – вершина русской романтической прозы» К. Григоряна (в ту пору возглавлявшего ИРЛИ). Обе стороны принципиально отстаивали собственную точку зрения и исключали возможность синтеза романтизма и реализма. Литературоведение словно бы отказывалось объяснять такие термины, как реализм (к которому было много приставок – идеологической доминантой, конечно же, был социалистический реализм, но обсуждался в дискуссиях «реализм без берегов» Роже Гароди), или романтизм. Были сторонники и синтетических теорий – среди них В. Маркович, У. Фохт, Г. Фридлендер, М. Уманская (руководившая кафедрой литературы в тогда ЯГПИ им. К. Д. Ушинского в Ярославле). Неверным, наконец, было признано понимание движения и развития Лермонтова по линейной прямой – от романтизма к реализму, как любят объяснять эволюцию многих художников до сей поры школьные учителя.

Фрагменты гневной резолюции Николая I на роман Лермонтова приводятся фактически в каждой работе, посвященной роману. Но в каком контексте и где они появились? В лермонтоведении не оценивался контекст документа в целом. Возникает любопытная картина, бросающая дополнительный отсвет на персону государя, его снисходительно-циничным взглядом на образ поэта, писателя, художника, утилитарный подход к русской литературе в целом...

«Кошачьи вздохи» Николая I

Известно, что Николай I читал роман Лермонтова «Герой нашего времени», находясь на борту парохода «Богатырь», следовавшего из Эмса (куда он сопровождал на лечение жену) в Петергоф. Чтение заняло все время плавания. «...Эти кошачьи вздохи читаешь с отвращением», – вот одна из оценок романа государем. Однако никто из исследователей не обратил внимания на эту зооморфную характеристику, которая позволяет нам судить о том, откуда взялись «кошачьи вздохи» Николая Павловича. Несколько днями ранее государь записывает в дневнике:

14 (26) июня 1840 года. 3 часа пополудни. «Я работал и продолжал читать сочинение г. Лермонтова. Второй том я нахожу менее удачным, чем первый. Погода стала великолепной, и мы могли обедать на верхней палубе. Бенкендорф ужасно боится кошек, и мы с Орловым мучим его – у нас есть одна на борту. Это наше главное времяпрепровождение на досуге» (*Курсив мой.* – М. В.).

Мучитель кошек, которые у него вызывали отвращение и омерзение, как животные с гнусными и грязными побуждениями, теперь производит с романом и его автором те же садистские манипуляции, применяя к оценке творчества Поэта те же средства, которые занимали все его времяпрепровождение.

В оценке романа, по сути, дан анти-автопортрет государя. Текст страниц дневника вполне указывает не на Лермонтова, а на «извращенный ум автора», на его «презрение и ненависть к человечеству».

«За это время я дочитал до конца *Героя* и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. Это то же самое изображение презренных и невероятных характеров, какие встречаются в нынешних иностранных романах. Такими романами портят нравы и ожесточают характер. И хотя эти кошачьи вздохи читаешь с отвращением, все-таки они производят болезненное действие, потому что, в конце концов, привыкаешь верить, что весь мир состоит только из подобных личностей, у которых даже хорошие с виду поступки совершаются не иначе как по гнусным и грязным побуждениям. Какой же это может дать результат? Презрение или ненависть к человечеству! Но это ли цель нашего существования на земле? Люди и так слишком

склонны становиться ипохондриками или мизантропами, так зачем же подобными писаниями возбуждать или развивать такие наклонности! Итак, я повторяю, по-моему, это жалкое дарование, оно указывает на извращенный ум автора. *Характер капитана набросан удачно.* Приступая к повести, я надеялся и радовался тому, что *он-то и будет героем наших дней*, потому что в этом разряде людей встречаются куда более настоящие, чем те, которых так неразборчиво награждают этим эпитетом. Несомненно, кавказский корпус насчитывает их немало, но редко кто умеет их разглядеть. Однако капитан появляется в этом сочинении как надежда, так и не осуществившаяся, и господин Лермонтов не сумел последовать за этим благородным и таким простым характером; он заменяет его презренными, очень мало интересными лицами, которые, чем наводят скуку, лучше бы сделали, если бы так и оставались в неизвестности – чтобы не вызывать отвращения. Счастливый путь, г. Лермонтов, пусть он, если это возможно, прочистит себе голову в среде, где сумеет завершить характер своего капитана, если вообще он способен его постичь и обрисовать» [1]

Вслед за резолюцией государя охранительная критика дружно обрушилась на «безнравственность» Печорина. Печорин был осужден как человек без веры, надежды и любви. Как эгоист, пресыщенный жизнью в самом начале жизни. Печорину охранительная критика противопоставила «народный» тип и характер Максима Максимича.

Нынешние исследователи дают парадоксальные оценки и роману, и герою. «Печорин – сверхчеловек, сверхзлодей, сверхгерой, – отмечают Петр Вайль и Ал. Генис, склонные считать роман Лермонтова почти абсурдистским [2]. – Но Лермонтов делает его и человеком просто» [3]. Леонид Геллер пишет о либертинстве Печорина, героя нового времени, отвергающего принятое обществом понимание добродетели, сознательно бросающей вызов Добру, почти отрицающей Бога, требующей для себя того же обожествления... Геллер, в свою очередь, ссылается на работу А. Хансен-Леве, утверждающего, что *Печорин обладает чертами вампиризма, садизма, каннибализма* [4], которые в конце века будут составлять атрибуты новых героев нового времени.

Ежегодная работа со студентами над текстами романа «Герой нашего времени» в определенной мере стала побудительным мотивом к написанию данной статьи, в которой ведется полемика с привычным, поныне существующим учебным (школьным и студенческим) рассмотрением проблемы.

Приводим фрагмент романа, почти завершающий главу «Максим Максимич».

Я обернулся к площади и увидел Максима Максимича, бегущего что было мочи...

Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

– Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как выживаете? – сказал Печорин.

– А... ты?... а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик... – сколько лет... сколько дней... да куда это?..

– Еду в Персию – и дальше...

– Неужто сейчас?... Да подождите, дражайший!! Неужто сейчас расстанемся?... Столько времени не видались...

– Мне пора, Максим Максимыч, – был ответ.

– Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?... Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?... как?... что подельвали?..

– Скучал! – отвечал Печорин, улыбаясь.

– А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

– Да, помню! – сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

– Мы славно пообедаем, – говорил он, – у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии, однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?

– Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... – прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

– Забыть! – проворчал он, – я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

– Ну полно, полно! – сказал Печорин, обняв его дружески, – неужели я не тот же?... Что делать?... всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, – бог знает!.. – Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

– Постой, постой! – закричал вдруг Максим Максимыч, хватаясь за дверцы коляски, – совсем было, забыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

– Что хотите! – отвечал Печорин. – Прощайте...

– Так вы в Персию?... а когда вернетесь?... – кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, – а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

История Печорина и Максима Максимыча полна трагических парадоксов и антиномий. Достаточен ли приведенный фрагмент для понимания героев романа? Чтение эпизода приводит нынешних молодых к простейшим и однолиней-

ным выводам. Обычная трактовка эпизода из главы «Максим Максимыч»: «Как жаль старика, оставленного без внимания Печориным».

– Как объяснить холодность Печорина? Только ли его цинизмом и равнодушием?

– Печорин, – рассуждают студенты, – представитель нового поколения, реальный человек реального времени, его отличают рационализм и холодность, а потому ему безразличен Максим Максимыч. Печорин лишь внешне создает облик некоей благожелательности, впрочем, вполне и очевидно искусственной. Вопреки своим желаниям он оказывает штабс-капитану некоторую любезность, соглашаясь подождать его. На самом деле, он равнодушен к тому, с кем когда-то провел роковое и романтическое время в крепости. Препрежее время давно забыто. Печорин с Максимом Максимычем расстается без излишних сантиментов. Старик расчувствовался и ждет ответных эмоций от Печорина, но обманывается в ожиданиях.

Основной литературный прием Лермонтова в сцене «встречи-прощания» как будто бы построен на контрасте двух типов, двух характеров. Денди Печорин и простак Максим Максимыч (в «Бэле» – европеец и «дикарка»). За Максимом Максимычем – «проза», быт Кавказа, штабс-капитан – типичный русский «кавказец», комендант крепости. Печорин – европеец, с его универсальной утонченностью, небрежностью манер, отчужденностью и отрешенностью от живой жизни, стремлением отделить себя от других. Все эти черты и качества достигают кульминации в прощальной беседе, где Печорин беспощадно обнажает свою безучастность и холодность. Он холоден не только к Максиму Максимычу, но и к самому себе, бежит, спешит от самого себя, не будучи уверен, что вернется в Россию.

Приведенного фрагмента романа, разумеется, явно недостаточно для анализа эпизода и поведения Печорина. Нужно отчетливо помнить события повести «Бэла», да и весь контекст романа.

В романтическое по сюжету и характеру действо о Бэле («Бэла») с «алчущим тревог и бурь» Печориным Лермонтов вводит человека земного, и вполне прозаического – Максима Максимыча. Для воссоздания объемности характера Печорина нужно было сюжет, с ним связанный, вложить в уста простоватого рассказчика, принадлежащего к другой среде, нежели Печорин. Критики середины XIX в. рассматривали последнюю встречу Максима Максимыча и Печорина как метафо-

рический образ резкой границы, черты, пропасти, разделяющей героев, и толковали это в заостренной идеологической манере.

Очевидно, возражая тем, кто видел фигуру Максима Максимыча как распространенный бытовой образ патриархального *простака и добряка*, Б. М. Эйхенбаум в своем известном труде о романе «Герой нашего времени» подчеркнул, что Лермонтов в образе Максима Максимыча ввел нового героя, «*история души которого представляет не меньший интерес, чем психологические изгибы Печорина*» [5].

Эйхенбаум имеет в виду собственно лермонтовские слова, лермонтовский термин *история души*, безусловно, опираясь на предисловие Лермонтова к «Журналу Печорина»: «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа».

Блестящие характеристики Печорина и Максима Максимыча принадлежат В. В. Набокову. «Самый трогательный среди них, несомненно, пожилой штаб-капитан Максим Максимыч, – замечает В. Набоков, – недалекий, грубоватый, чувствительный, земной, бесхитростный и совершенный неврастеник. Эпизод, когда обманувшая его ожидания встреча со старым другом Печориным заставляет его совершенно потерять голову, трогает сердце читателя как одно из самых психологически тонких описаний в литературе» [6]. К сожалению, Набоков не расшифровал это *самое тонкое психологическое описание* и не оставил собственного комментария. В Печорине «Лермонтову удалось создать образ человека, чей романтический порыв и цинизм, тигриная гибкость и орлиный взор, горячая кровь и холодная голова, ласковость и мрачность, мягкость и жестокость, душевная тонкость и властная потребность повелевать, безжалостность и осознание своей безжалостности остаются неизменно привлекательными для читателей самых разных стран и эпох...» [7].

Важно понять, как дает Лермонтов душевную жизнь героя: путем самораскрытия, через *исповедь*, но также и посредством *чужого слова*, повествования *другого* персонажа (Максима Максимыча). *Исповедальная интонация* ведет читателя к пронзительному самоанализу Печорина, ирониста, способного осуждать не столько других, сколько самого себя. Вторая, *сказовая* – предполагает фигуру рассказчика, третья форма повествования – *от Автора*. Лермонтов, подобно Пушкину («Повести Белкина»), Гоголю («Вечера

на хуторе близ Диканьки») выстраивает триаду *Автор – Рассказчик – Герой*, вспахивая, по сравнению со своими предшественниками, психологическую почву необычайно глубоко.

В Печорине нет утилитаризма, назидания. Он не моралист. На первый взгляд, Максим Максимыч подлежит исключительно сфере этических оценок, он как будто защитник непреложных патриархальных нравственных ценностей.

Однако выступает Максим Максимыч не только в роли комментатора происходящих событий. Он реальный действующий герой, участник развертывающихся в крепости событий.

Сопоставление Печорина и Максима Максимыча, по замечанию Ю. Айхенвальда, еще и столкновение двух языков – естественного и искусственного, «столкновение поэзии и простоты, гордыни и смирения, внешнего байронизма и пушкинского станционного зрителя» [8].

Печорин все время находится под неким наблюдением, надзором. Он – поднадзорен и подотчетен, – но кому? Не только себе, но Провидению, Небу, Богу, он так же остро чувствует богооставленность, как чувствует на себе и чье-то всевидящее, недреманное око. Но это и око Автора. И Автор постоянно соотносит себя с героем.

«Смесь черкесского с нижегородским...»

В очерке «Кавказец» Лермонтов воссоздает образ «настоящего» русского кавказца. Начинается очерк с пародийной интонации:

«Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения и участия... Какой же страстью надо быть зараженным, чтобы стать «настоящим»? Это страсть ко всему черкесскому, которая у него «доходит до невероятия»: он «легонько маракует по-татарски... шашка – настоящая гурда [9], кинжал – старый базалай [10], пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка... лошадь – чистый Шаллох и весь костюм черкесский, который надевается только в важных случаях и шит ему в подарок какой-нибудь дикой княгиней. Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия» [11].

Печорин также отмечен знаком причастности к аналогичному пристрастию и следованию черкесской «моды», непрестанному самолюбованию. Аристократ Печорин одевался так, что казаки принимают его за кабардинца. Печорин не просто переодевается черкесом, он целиком входит в эту роль, для себя и для других (в нем видят черкеса и Максим Максимыч, и Мери), он сравнивает себя с матросом «разбойничьего брига».

«Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этой загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в самом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я

больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего; оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевки пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая. Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад...»

Доктор Вернер, один из множественных двойников Печорина в романе, также подвержен слабостям черкесской моды:

«На нем были серые рейтузы, архалук и черкесская шапка. Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное...»

Однажды, спустившись в балку к речке, чтобы напоить коня, Печорин видит пеструю кавалькаду: «дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским» [12].

Лермонтов ироничен, но относился ли он к подобного рода увлечениям враждебно? Казалось ли ему это стремление подражания в одежде местному населению попыткой раствориться в культуре другого народа, пожертвовав собственной национальной идентичностью? Думал ли он, что, меняя облик, одежду, некоторые привычки, русский офицер терял свое национальное лицо и природу характера? Или Лермонтов развенчивал тем самым ложную романтику Кавказа, которая выявляла себя в страстном *коллекционировании всего кавказского?*

В определенном смысле, рисуя кабардинского Печорина, Лермонтов бросал отсвет и на собственный портрет. В письме своему другу С. Раевскому в 1837 г. он замечает: «С тех пор, как я выехал из России... изъездил линию всю вдоль, от Кизляра до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Куба, в Шемахе, в Кахетии, одетый по черкесски».

В экзотических черкесских одеждах русский офицер, кроме всего прочего, подчеркивал еще и вольный дух, свойственный народам Кавказа.

«Когда романтическая идеология байронического толка широко проникла в сознание русских дворян, их особое внимание к Кавказу стало неизбежным. Кавказ с его гордым, вольным, буйным населением, с его природой, принципиально отличной от классической среднерусской, и был той иной сферой, иным миром, который сулил психологический выход из бытового тупика. Для активной части дворянства, для которой романтическая идеология была не пустым звуком, *Кав-*

каз как вариант иного мира, в котором раскрывалось иное качество пространства – горы, который был населен иными людьми – свободными от европейских условностей, был воплощением принципа, который можно определить как принцип психологической компенсации. (Курсив мой. – М. В.) Неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту... Дело было... не в политической свободе, но в принципиально ином способе существования. В горах были, разумеется, ограничения человеческого самовольству, но они оставляли свободной индивидуальную независимость. В этом отношении Кавказ был противовесом русской жизни. Отсюда его обаяние для неудовлетворенного русского дворянина. Кавказ как мир предельных состояний – в природе, в силе человеческих страстей, в постоянной близости опасности и смерти, был антиподом российской скованности» [13].

«Печорина приговорить к расстрелу»: о привлекательности зла... для новейших исследователей

Финальная фраза странствующего офицера в «Бэле» требует своего разъяснения «Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек, достойный уважения... Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ». Эта лермонтовская сентенция носит двойственный характер. В ней есть явный иронический подтекст, который узнается по скрытой цитате из очерка «Кавказец». «Настоящий кавказец человек удивительный, достойный всякого уважения... Он думает поймать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эпoletы. Он во сне совершает рыцарские подвиги – мечта, вздор, неприятеля не видеть, схватки редки, и, к его великой печали, горцы не выдерживают штыков, в плен не сдаются, тела свои уносят. Между тем жары изнурительны летом, а осенью слякоть и холода. Скучно! промелькнуло пять, шесть лет: все одно и то же. Он приобретает опытность, становится холодно храбр и смеется над новичками, которые подставляют лоб без нужды. Между тем, хотя грудь его увешана крестами, а чины нейдут, он стал мрачен и молчалив; сидит себе да покуривает из маленькой трубочки...» [14]

В последнее время роман «Герой нашего времени» подвергается странной критике, основанием для которой являются характеры главных ге-

роев романа – Печорина и Максима Максимыча. Крайне резкими выглядят оценки Печорина и в работах других авторов. «Максим Максимыч – главный злодей романа «Герой нашего времени». Таково название статьи некоего Геннадия Волового-Борзенко, появившейся в различных вариантах в Интернете.

Е. Иваницкая, автор статьи в серьезном журнале «Нева» назвала свое исследование так: «*Ни в ком зло не бывает так привлекательно...*» *Несколько тезисов о романе «Герой нашего времени»*. Историю с Бэлой Е. Иваницкая расследует, исходя из требований современной нашей эпохе Уголовного Кодекса РФ [15]. И сожалеет, что критика XIX да и XX в. не вынесла на обсуждение *юридических аспектов* событий повести «Бэла». Иваницкая предлагает Лермонтову совершенно иной ход развития событий, она фактически советует, *как надо было Лермонтову поступить со своими героями*. Иваницкая настаивает на аресте (sic!) Печорина и доказывает, что он подлежит уголовному наказанию. С. Н. Дурьлин и В. А. Мануйлов, – сетует Иваницкая, – блестящие ученые и глубокие знатоки творчества Лермонтова, но увы, ни слова не говорят о том, что «подчиненный [Максима Максимыча] творит уголовщину, а комендант сначала покрывает, а потом соучаствует». Максиму Максимычу как представителю военной власти России на Кавказе необходимо было в жилище Печорина «ворваться с солдатами. Сдернуть героя с постели. Прикладом в спину гнать за решетку. Бэлу немедленно освободить. Известить родных. Срочно послать курьера во Владикавказ с сообщением об ужасном преступлении... Похищение несовершеннолетней Бэлы с вовлечением в преступление несовершеннолетнего Азамата. По условиям военного времени Печорина – приговорить к расстрелу. Расстрелять в присутствии оскорбленных горцев...» [16] О Максиме Максимыче: «Максима Максимыча надо тоже отдать под суд. Абсолютно заслужил. Но у него есть смягчающее обстоятельство. Он дурак. В самом прямом смысле скудного ума».

Все вышеприведенное весьма походит на пародию. Но сказано вполне серьезно. Впрочем, из истории советского времени известно, как комсомольцы 20-х гг. чрезвычайно любили устраивать различные суды над литературными героями – *суд над Онегиным, суд над Печориным*. И судили с размаху, и приговаривали к расстрелу. Такая «расстрельная психология» владеет и Иваницкой, унаследовавшей дух истребительных

дискуссий того времени. Перед нами не что иное, как абсолютно линейная, утилитарная, основанная на оголенной, ничем не прикрытой моралистике. Для Е. Иваницкой не существует ни проблемы Автора и героя в романе, ни принципов поэтики Лермонтова вообще.

«У Героя за спиной – уголовные преступления, у Героя на руках – загубленный им ребенок. А он плачется, что несчастлив, что ему “скучно”, что свет перед ним виноват». И вот такого Героя – “портрет, составленный из пороков всего нашего поколения”, советская наука не просто оправдывала, а любила и воспевала». Е. Иваницкая практически повторяет известные нам «кошачьи вздохи» Николая Первого, исходившего, как мы помним, также исключительно из законов нравственности и морали, все время напоминая читателю, что «существует охрана общественного порядка, закон и суд», Е. Иваницкая вдребезги разбивает и статью известного лермонтоведа Б. Удодова о романе «Герой нашего времени» в «Лермонтовской энциклопедии» под редакцией В. Мануйлова. «Статья о “Герое нашего времени” – настоящий гимн Печорину. Б. Удодов даже среди горячих советских защитников “героя” – нечто выдающееся. Он порадовал читателя идеей, что Печорин преследует великую цель – постижение природы и возможностей человека: «Проницательно предвидя и создавая нужные ему ситуации и обстоятельства, Печорин испытывает, насколько человек свободен или несвободен в своих поступках; он не только сам предельно активен, он хочет вызвать активность и в других, подтолкнуть их к внутренне свободному действию».

Геннадий Воловой-Борзенко в своих статьях, рассыпанных в Интернете, к Печорину, напротив, не имеет никаких претензий. Свои критические копы он направляет на Максима Максимыча. Для него нет авторитетов. «Чудесная душа», «золотое сердце» – так писал о Максиме Максимыче В. Г. Белинский. По мнению Волового, Максим Максимыч «принадлежит к злодеям сознательно-го типа ... Он совершил злодеяния, и он в них не раскался...» «Для Лермонтова *Максим Максимыч – носитель сил зла в русском народе*» [17].

«Предательство Максима Максимыча – тайна романа Лермонтова. Пора, наконец, все расставить по своим местам. Злодей должен быть разоблачен и пригвожден к позорному столбу. Максим Максимыч – характер, который является носителем зла в романе» [18]. «Печорин понял роль Максима Максимыча в трагических событиях ги-

бели Бэлы и переменял к нему отношение. Если не знать подлинной роли Максима Максимыча в гибели Бэлы, то можно ошибочно рассматривать Печорина, как человека бессердечного и эгоистического, предавшего бывшую дружбу. Но если знать, какие злодеяния совершил штабс-капитан, то необходимо признать, что ему надо не сочувствовать, а осуждать. Печорину не приносит удовольствие видеть страдания Максима Максимыча, он не душевный садист, но не хочет забыть смерть безвинной девушки, которая лежит на совести Максима Максимыча, чтобы сочувствовать пособнику ее убийства. Это и есть объяснение причины, которая заставила Печорина холодно встретить своего бывшего сослуживца, когда тот хотел «кинуться ему на шею». «Максим Максимыч, считает Печорин, а вместе с ним и Лермонтов, заслужил подобное обращение. Он не достоин не только доброго отношения к себе, но и просто дружеской беседы. Поэтому Печорин заставляет штабс-капитана страдать...» [19]

И в одном, и в другом случае мы обнаруживаем резкие крайности. Это те случаи вульгарной односторонности, которые доведены не до предела, а до беспредельных оценок.

Но отойдем от односторонности и односторонних оценок. В романе Лермонтова Печорин пытается сохранить свою внутреннюю свободу. Когда Лермонтов рисует равнодушие, бесстрашие, индифферентность Печорина, мы понимаем, что это *внешнее безразличие*. Вопрос Максима Максимыча о Бэле, о событиях в крепости затрагивает самые больные струны его души. Лермонтов дает всего лишь небольшую деталь: «Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся».

«Но не спешите с вашим заключением о его характере: познакомьтесь с ним получше, – и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нежное сердце бьется в железной груди этого, по видимому, очерстневшего человека; вы увидите, как он, каким-то инстинктом, понимает все человеческое и принимает в нем горячее участие; как, вопреки собственному сознанию, душа его жаждет любви и сочувствия, – и вы от души полюбите его...»

Кого? Печорина? Нет, это Белинский говорит о Максим Максимыче. Печорин – герой экзистенциальный. Лермонтов находился у истоков русского экзистенциализма.

Мы обнаруживаем, что эпизод встречи Максима Максимыча с Печориным представляет собой структурное единство двух стилей, двух взаимопересекающихся кодов. Тексты читаются

или могут читаться различно, во всяком случае, предполагают *двойное прочтение, и бытовое и символическое*. В случае встречи Максима Максимыча и Печорина это двойное прочтение означает двойное истолкование, двойную или множественную интерпретацию эпизода, сцены, акта свершающейся драмы. «Ты сам свой высший суд, Всех строже оценить умеешь ты свой труд...» – вспомним известные пушкинские строки из стихотворения «Поэту». Читая роман Лермонтова, мы постоянно, почти как заклинание, повторяем эти бессмертные слова. Печорин не подлежит ни судебным заседаниям, ни юридическим санкциям, ни приговорам. «Журнал Печорина» не что иное, как *высший суд героя над собой*. Суд беспощадный и беспримерный. Печорину суждено погибнуть в Персии, там, где погиб Грибоедов. Это не случайно. Будь иначе, Печорин сгинул бы вполне бездарно. Воспитанный на высоких романтических идеалах, он не случайно в грезах видит себя матросом на разбойничьем бриге. Его жизнь начиналась бурями, штормами, ураганами и окончилась штилем – небывалым «спокойствием» «странного человека». «Это спокойствие, – пишет Печорин в своем журнале, – часто признак великой, хотя и скрытой силы, полнота и глубина чувств и мыслей, не допускает бешеных порывов; душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит». Лермонтов характеризует это как «высшее состояние самопознания человека», которое переживалось им во второй половине 30-х гг.

Роман Лермонтова есть движение к XX и XXI вв. Черты литературы XX в. – свободное управление временем, изломы характера и судьбы, фрагментарность романа, смешение стилей. Наконец, расширение экзистенциального начала – как в характере Печорина, так и в изображении Максим Максимыча.

Стимулом нового в русской литературе второй половины XIX в. становится герой катастроф и роман катастроф. Мы знаем такой тип романа в романе Достоевского. Ныне можно с уверенностью сказать, что роман Лермонтова – роман обрывов и катастроф. Любая победа Печорина, какой бы она ни явилась, – над Казбичем, Мэри, Грушницким, Вуличем, Янко и ундиной, становится частью программы его самоубийства. Постоянная игра со смертью, одержимость смертью – вот чувство Печорина. Печорин выступает как авантюрист – напомним, что «авантюрист»

переводится как 'первооткрыватель, первопроходец' – беспрестанно ставящий эксперименты на человеке и самом себе. Печорин – образ внутренней экзистенциальной свободы и исследователь ее пределов. Отсюда чувство его остраненности, его посторонности, чужести. Его саморефлексии требуют не только исповеди, но и, прежде всего, комментариев со стороны, наблюдателей. Ими становятся в романе странствующий офицер и Максим Максимыч. Печорин то и дело оказывается в окружении своих антагонистов или двойников – будь то Максим Максимыч, Грушницкий или доктор Вернер, ундина, Янко, Вулич.

Для глубинного раскрытия главного героя романа Лермонтов применяет двойное, тройное зрение, то есть новую художественную оптику. Он создает новый многоуровневый, инвариантный тип поэтики. Тот случай, когда полярные точки зрения не могут быть названы ни истинными, ни ложными.

Есть суждение выдающегося философа и филолога М. М. Бахтина о «Герое нашего времени». Размышляя о Печорине, Бахтин подчеркивает невозможность какой бы то ни было оценки лермонтовского героя, даже бинарной, даже двойственной, как это распространено в современной критике. «...Человек до конца невоплотим в существующую социально-историческую плоть... Всегда остается нереализованный избыток человечности... существенный разрыв между внутренним и внешним человеком...» [20].

Примечания

1. Цит. по книге: Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Худож. лит. , 1986. – 351 с. – С. 61–62.

2. Вайль Петр, Генис Александр. Родная Речь. Уроки Изящной Словесности. – М. : Независимая Газета, 1991. – С. 78–79.

3. Там же.

4. Геллер Леонид. Печоринское либертинство // Философско-литературный журнал. – 1999. – № 12. – С. 98–110. Геллер ссылается на статью Ааге Хансен-Леве «Печорин как женщина и лошадь» ("Pecorin als Frau und Pferd"), Russian Literature, 1992, vol. 31/4; 1993, 33.

5. Эйхенбаум Б. М. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 125–162.

6. Набоков В. Предисловие к «Герою нашего времени» // Набоков В. Лекции по русской литературе. М. : Владимир Набоков. Лекции по русской литературе. – М. : Независимая газета, 1999.

7. Набоков В. Там же.

8. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей: в 2 т. – М. , 1998. – Т. 1. – С. 28.

9. Гурда – восточный гунуэзский клинок, редко встречающийся и высоко ценимый на Кавказе.

10. Базалай – кинжал, изготовленный прославленными дагестанскими мастерами из села Казанище: дедом и внуком с одинаковым именем Базалай.

11. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : в 4-х т. Том 4. – С. 336–339.

12. «Смесь черкесского с нижегородским» – перифразировка слов Чацкого из I действия комедии Грибоедова «Горе от ума»: «Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским?» «Черкесский с нижегородским» так же пародиен.

13. Русский человек и Кавказ // Культура и общество. Альманах Фонда им. Д. С. Лихачева. – Вып. 2–3. – СПб. , 2006. – С. 112–131.

14. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4-х т. – Том 4. – С. 336–339.

15. Иваницкая Е. «Ни в ком зло не бывает так привлекательно...» : Несколько тезисов о романе «Герой нашего времени» // Нева. – 2009. – № 10. – С. 189–190.

16. Там же.

17. Воловой-Борзенко Г. Максим Максимыч – главный злодей романа «Герой нашего времени». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://neo-lit.ru/forprint.php?id=17454>; <http://www.proza.ru/2008/03/23/365>

18. Там же.

19. Там же.

20. Бахтин М. Эпос и роман // Вопросы литературы. – 1970. – № 1. – С. 119–120.